

Николай Караченцов:

«А с «тарзанки» я так и не прыгнул»

Договариваться об интервью с народным артистом Николаем Караченцовым пришлось достаточно долго. По телефону он был неизменно дружелюбен, любезен, но чрезвычайно занят: спектакли, поездки, выступления, записи. Мы встретились у «Ленкома». Он красиво и плавно припарковал машину. Вышел из нее уверенно и энергично. Разговаривать с этим обаятельным и галантным человеком оказалось легко и приятно. Передо мной сидел не просто любимый артист, а звезда театра и кино. Человек, сыгравший главную роль в культовом спектакле 80-х «Юнона» и «Авось», Коврова в лучшем российском телесериале «Петербургские тайны», множество других разнообразных и ярких ролей в спектаклях и кинофильмах. Уже одно его участие в них — своеобразный «знак качества». 27 октября Николаю Петровичу исполняется 60 лет.

— Вы всегда играете с куражом, ничего не оставляете «на потом». Столько энергии! Где вы ее берете?!

— Сам не знаю! Думаю, в первую очередь, помогает профессия. Недавно праздновали столетие со дня рождения Татьяны Ивановны Пельтцер, и я говорил о своем ощущении, что она была самой молодой у нас в театре: не говоря уже о том, что быстрее всех бегала, она воспринимала жизнь как ребенок. Это, как мне кажется, характерная черта творческой личности: всегда удивляться. Как только человек «все знает» — он остановился. Скажем, мы знаем, что это делать нельзя, а ребенок еще не знает. И у него что-то новое получается. Вот и Татьяна Ивановна не уставала учиться, все время открывала для себя новое. Мы дружим с оркестром Спивакова. Музыканты иногда после концертов приходят к нам в репетиционный зал, расчехляют инструменты и играют для нас — уже без фраков. И как же Пельтцер слушала музыку! Я так не умею...

— В «Ленкоме» потрясающий коллектив, очень много звезд. Наверное, быть вместе непросто? Как складываются отношения?

— Лицо театра определяет его лидер. Марк Анатольевич Захаров сумел собрать мощную команду — и удержать ее! Он создал такую атмосферу, в которой звезды не просто уживаются — они не могут друг без друга! И это здорово. И еще — пусть мне это только кажется, но так вот я себе

С Еленой Шаниной в спектакле «Юнона» и «Авось».

придумал: очень-очень-очень хороший актер не может быть плохим человеком. Ему нечего делить, он знает свою силу, он не будет ревновать, он не будет завидовать, он умеет делать что-то такое, чего не умеет никто другой. Потому что у всех наших — простите за слово! — «звездунгов» очень разные индивидуальности, и мы хорошо уживаемся.

— Вы теперь не только играете, но и поете, выступаете с концертными номерами? Как к этому пришли?

— Ну, во-первых, мне это нравится! А потом, что значит пою? Поет Паваротти. Моя задача не столько спеть песню, сколько ее сыграть. Есть ведь такое расхожее выражение: песня — маленький спектакль. В свое время у нас были замечательные артисты, которые прекрасно это делали: Марк Бернес, Леонид Утесов, Андрей Миронов... Сейчас — Алиса Фрейндлих, Лена Камбурова, Миша Боярский, Алла Пугачева тоже... И мне это безумно интересно.

— Вы азартный человек?

— Наверное, да. Но азарт у меня появляется или на сценической площадке, или на съемочной, или на теннисном корте! До казино как-то ноги не доходят...

— А понимаете тех, кто любит играть в рулетку, в карты?

— Ну, я понимаю, что есть настолько азартные люди, для которых это болезнь, и они не могут остановиться. Книжки читал про это — Достоевский, Чехов. И знаю ребят, которые такие вот ненормальные, сумасшедшие...

— Но бывает ведь и другой азарт — с парашютом прыгать или что-то еще экстремальное...

— Да, это интересно. В свое время была у меня идея, но по времени все как-то не получалось, — хотел пойти

на... как она называется? «Обезьянка»? «Тарзанка»? Так вот, сначала все боялся — а что люди подумают? «Артист, да еще и дурак!». Думал поздно вечером пойти. Но потом что-то там у них сломалось, и мой порыв был приостановлен.

А недавно мне предлагали сняться в передаче, которая называется «Русский экстрим». Но для этого надо было на двадцать дней куда-то уехать, а у меня так не бывает, я живу без выходов и без отпусков: вчера спектакль, сегодня спектакль, завтра тоже спектакль... а послезавтра — концерт на Украине!

— В дороге кроссворды разгадываете?

— Разгадываю. Раньше была просто болезнь кроссвордная.

— Расскажите.

— Я собирал кроссворды, мне приносили кроссворды: в «Вечерке» какие-то одни, в другой газете — какие-то другие... У нас даже в театре в

свое время была такая игра: собираются, допустим, три человека, и пишут свои имена — «Лена, Слава, Коля», составляют кроссворд, задают вопросы, ставят палочки...

А вообще насчет кроссвордов один умный человек сказал: есть эрудиция, а есть кроссвордная эрудиция. Это когда «я не читал, но знаю, кто написал!» Потом кроссворды часто повторяют друг друга, особенно так называемые «ниловые» — с вопросами типа «река в Африке из трех букв». И этот уровень довольно быстро осваиваешь. Или: «Химический элемент? — Вода. — Из трех букв! — Тогда чай...».

— Разыгрывали друг друга?

— Можно ли отделить, где розыгрыш, а где уже перебор? Иногда вроде розыгрыш, а «шаг вправо, шаг влево» — и хулиганство! Или, например, как импровизировать на сцене, чтобы это было на пользу спектаклю, а не во вред... В разных театрах это по-разному, у нас Марк Анатольевич на этот счет очень строг. Или — вы пришли после спектакля и не можете найти свои ботинки — розыгрыш это или нет?! Потом находите: их вывесили за форточку, но перед этим облили водой, так что они превратились в две ледышки, и на каждом шнурке по сто узлов. Смешно? Очень. Но человеку-то домой идти не в чем.

— Вы курите «Приму»? Просто экзотика какая-то...

— Да, курю «Приму»! Дурная привычка. Когда в моей юности появились приличные сигареты, все на них перешли, а у меня не получилось: не накуриваюсь сигаретами с фильтром! Это трава для меня, кашляю. Ну, конечно, придумываю для себя всяческие оправдания. Например, в «Приме» нет никаких ароматизирующих добавок, значит, я курю чистый табак, а не химию какую-то... Кстати. Знаете, как называется столица штата Калифорния?

— Лос-Анджелес?

— И я так думал, или, может быть, Сан-Франциско — два огромных мегаполиса. Оказывается, нет — маленький городок, называется Сакраменто. Ладно, неважно. Я к чему рассказываю? Я как-то туда попал: ничего интересно-

го. Ну разве что — там все, как 200 лет назад: деревянные тротуары, паровозики, пароходики, карамель в кондитерских — в огромных мешках, и взвешивают ее не на весах, а на безмене... Ну, так они играют в прошлое. Пообедали, подают кофе, я достаю сигареты — а мне говорят: у нас, мол, не курят! А по мне кофе без сигареты — это вообще какая-то глупость. Выхожу с чашкой из ресторана, сажусь на тротуар, закуриваю сигарету. Опять ко мне подходят, наклоняются: у нас не курят! Я говорю: «Так я же уже вышел из ресторана!» — «Нет, вы не поняли: у нас в городе не курят!». Я полез в какую-то подворотню, где-то прятался... Жуть какая-то!

— Пару дней назад включил телевизор — фильм с Бельмондо, а голос ваш! Мне кажется, что голос очень подходит...

— Вообще, дуближ дело непростое. С одной стороны, надо не высушить картину, с другой — не особо переиграть, соблюсти меру. Возможно, я бы что-то изобразил по-другому, но передо мной актер, который уже вот так сыграл эту роль. Надо попасть в его образ. Мне всегда было интересно заниматься дуближом: ведь это сейчас много ерунды всякой, а раньше, если покупали картины, это обычно был очень приличный уровень, и озвучивать таких мастеров, как Жан Габен, Бельмондо, — это просто сказка! Плюс, предположим, французская речь — она в четыре раза быстрее русской! Надо попадать и во всю эту сложную артикуляцию... Очень интересно!

— Зарубежные звезды, конечно, замечательные профессионалы, но очень многие российские актеры, по-моему, не только ни в чем им не уступают, но и очевидно превосходят...

— Как-то при мне был спор, причем, с пеной у рта: один спорщик — за американских актеров, другой — за наших. Тот, который за наших, говорит: назови десять лучших американских мастеров! Ну, другой называет — Николсон, Брандо... Но где-то уже на восьмом-девятом пошел Шварценеггер, Сталлоне... Тот, что за наших, говорит: «Ну, это уже не артисты, они ближе к каскадерам. А теперь давай про нас! «Современник», лучшие годы — от Табакова до Евстигнеева. МХАТ — все старики. Театр Вахтангова — начиная от Ульянова и заканчивая Яковлевым и Гриценко... А питерский БДТ! Просто цветник самых разных, роскошных актеров, и все — высочайшего класса!». Так что я думаю, наша школа — одна из лучших. И корни великие — оттуда, от Щепкина. Можно гордиться.

Беседовала
Елена НЕГРЕСКУЛ

от Караченцова Николая

12.10.2004